

ПЕРЕВОД ЛИЧНЫХ ИМЕН И РЕАЛИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ. РОЛИНГ “ГАРРИ ПОТТЕР И ТАЙНАЯ КОМНАТА”

© 2004 С.Ю. Капкова

Воронежский государственный педагогический университет

Появление книг о приключениях мальчика-волшебника, борющегося с могущественным властелином Зла и Темных Сил, разделил мир на две противоположно настроенных стороны. Превысив тиражи Библии, книги Дж. К. Ролинг вызвали гонения (вплоть до запрещения их издания) и резкую критику со стороны религиозно настроенных фанатиков, нашедших скрытый смысл в содержании, противоречащий их религиозным воззрениям, в книге для детей. Второй половиной являются взрослые и маленькие читатели, с нетерпением ожидающие выхода в свет очередной книги приключений Гарри Поттера.

В России книги Дж. К. Ролинг стали причиной больших споров о качестве отечественного перевода. Первая книга “Гарри Поттер и философский камень” была переведена И. В. Оранским, перевод последующих трех книг был сделан М. Д. Литвиновой. Жюри конкурса на выставке-ярмарке “Книга России” присудило переводу книги “Гарри Поттер и тайная комната” номинации “Худший перевод” и “Худшая редакция”. Как можно было заметить из критических заметок о недостатках перевода М. Литвиновой, сами критикующие не имеют ни соответствующих профессиональных навыков в области перевода, ни общих понятий о стилистических приемах и средствах. Более того, как выяснилось, некоторые авторы критических статей вообще не читали самого произведения. В качестве альтернативы лучшего перевода некоторыми предлагался перевод М. Спивак, существующий в Интернете. По всей вероятности за всем этим стоит коммерческая подоплека, ничего общего с компетентной критикой перевода не имеющая.

Несомненно, в переводе имеются погрешности и даже смысловые ошибки, но сущность и закономерность таких переводческих приемов, как конкретизация, метонимический и антонимический перевод, дифференциация знаний и стилистическая компенсация смысла, очевидны. Сравнивая переводы М. Литвиновой и М. Спивак, можно заметить, что обеими переводчицами была предпринята попытка “улучшить” авторский стиль. Своеобразие

“Гарри Поттера” состоит в том, что в этой книге причудливо переплетаются жанры сказки, детектива и фэнтези. Для создания комического эффекта переводчики использовали различные средства, в том числе русские идиоматические обороты, молодежный слэнг и т. п. Такая необоснованная русификация текста перевода искажает правильное понимание текста и создает, на наш взгляд, нежелательные барьеры в межкультурной коммуникации, ставя под сомнение саму возможность понимания реалий и культуры иноязычного народа.

Перед переводчиком постоянно возникает проблема выбора приема, который зависит от характера текста и его жанровых особенностей, а в нашем случае – еще и учет возраста и лингвострановедческого уровня подготовки читателя. Перевод собственных имен, в частности, нередко ставит переводчика в затруднительное положение. В художественном произведении имена играют важную роль. “Вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, об их структурном своеобразии в разных жанрах и стилях, об их образных характеристичных функциях и т. п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы”, – справедливо писал В.В. Виноградов.[1, 68] Имя персонажа – одно из средств, создающих художественный образ, оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит, а если действие происходит в прошлом, то воссоздавать исторический фон.

Имена персонажей в художественных произведениях являются наиболее экспрессивным и информативным средством, определяющим значительный объем имплицитной информации. Выбор конкретного имени для литературного героя – дело автора, и субъективный фактор здесь очень велик. Писатель подбирает или конструирует не только личные имена, но и все компоненты ономастического пространства произведения. Он знает характеры, занятия душевные и физические данные персонажей. Выбор имени может быть связан

с художественным замыслом, жанром, художественной школой и стилем. Иногда имя может сказать больше, чем задумал писатель. Антономазия – самостоятельный стилистический прием, основанный на одновременной реализации двух значений имени собственно – основного и контекстуального, предметно-логического и назывного, и одной из разновидностей антономазии и являются “говорящие” имена и фамилии.

Ономастика художественного произведения “говорит”, но что именно и как она говорит, можно понять по-разному, так же как читающие по-разному истолковывают одно и то же произведение. Имена и названия, имеющие двойной или даже тройной смысл, вызывающие подсознательные ассоциации, – это немаловажная составляющая книг Дж. К. Ролинг. Неподготовленному читателю трудно различать стилистические оттенки английских имен или интерпретировать “говорящие” имена без знания английского языка.

Как уже было упомянуто, художественная ономастика “говорит”. Что и о чем она говорит, и ученые, и рядовые читатели понимают по-разному. Обратимся к примерам. Главный герой получил свое личное имя, по словам самой писательницы, в честь ее друга детства Джо Иэна Поттера. В зависимости от негативной или позитивной настроенности исследователи по-разному подходят к мифологическому значению этого имени. В английской культуре черт обладает эвфемистическим именем собственным – *Гарри*. Английский черт завидует в сказках профессиям трубочиста и горшечника (последний по-английски – *potter*). Существует и другое значение этого слова, используемого как глагол, – *делать что-либо спустя рукава, лодырничать, лениться*. Но если обратиться к словарю, то личное имя героя можно рассматривать по-другому: через одно из значений нарицательного существительного *harry* (от греч. *koiranos*) – командир.

Говорящие имена и фамилии в детской переводной литературе сразу выводят героев на чистую воду. Трудно ожидать что-то хорошее от героев с именами Грозный Глаз Грюм или Северус Снегг, кот Живоглот или крыса Короста. Поэтому стоит обратить внимание на выборочный перевод собственных имен, так как в нем уже заметна принципиальная установка переводчиков. Рассмотрим несколько примеров переводов одних и тех же личных имен у упомянутых выше переводчиков М. Литвиновой и М. Спивак. Самыми интерес-

ными, на наш взгляд, являются имена с учетом информации о носителе.

Один из профессоров волшебной школы носит имя *Gilderoy Lockhart* (основы: *gild* – золотить; *lock* – локон; *hart* – молодой олень-самец). Этот персонаж занят самолюбованием и рассказами о своих несуществующих на самом деле подвигах. В переводе М. Литвиновой его имя звучит *Златопуст Локонс*. Помимо поморфемного перевода переводчик использовал корень “пуст”, чтобы точнее передать характер героя. В переводе М. Спивак его зовут *Сверкарольд Чаруальд* (фонетически очень напоминает имя другого известного литературного героя – Чайльда Гарольда из поэмы Д. Байрона). Оба перевода интересны, но на наш взгляд, первый – более удачный, так как ближе к авторскому стилю и в нем чувствуется добрый юмор, а не насмешливый тон и ироничность, не всегда понимаемые читателем-ребенком.

Другой профессор носит имя *Mad-Eye Moody* (основы: *mad* – сумасшедший, разг. – рассерженный, раздосадованный; *eye* – глаз; *moody* – унылый, угрюмый). В переводе М. Литвиновой он получил имя *Грозный Глаз Грюм*, у М. Спивак – *Шизоглаз Хмури*. Опять же, на наш взгляд, перевод М. Литвиновой более удачный, так как лучше отражает мрачное и зловещее состояние персонажа. Вряд ли совсем юный читатель уже знаком с терминологией психиатрии, чтобы адекватно реагировать на заложенный не автором, а переводчиком подтекст в имени Шизоглаз.

Профессор *Sprout* (основа: *sprout* – отросток, росток, побег) в переводе М. Литвиновой получает фамилию *Стебль*, а в переводе М. Спивак – *Спаржелла*. Перевод фамилии в этом случае опять обоснован: профессор с говорящей фамилией ведет соответствующий предмет – травологию.

Еще один профессор обладает жутким именем *Severus Snape* (основа: *severe* – строгий, суровый). Действительно, это очень строгий и суровый персонаж, при виде которого у учеников школы волшебников от страха заплетается язык и холодеют пальцы. В переводе М. Литвиновой он получает леденящее имя *Северус Снегг*. У М. Спивак его имя звучит *Злодеус Злей*, хотя ничего злодейского он не совершает.

Следующий обладатель говорящей фамилии – ученик школы волшебников *Neville Longbottom* (основы: *long* – длинный; *bottom* – дно, грубозад). Впервые этот герой появляется в третьей книге “Гарри Поттер и узник Азкабана”. По сюжету он – робкий, застенчивый, неуклюжий, нерасторопный мальчик. М. Литвинова, учитывая

контекстуальные характеристики, подбирает благозвучную и шутивную фамилию *Долгунис*. Только через год, после выхода четвертой книги приключений Гарри Поттера, читатель узнает о героических родителях Невилла и их доблестном подвиге. Учитывая такие обстоятельства, вспоминается еще одно значение слова *bottom* – запас жизненных сил, выносливость. Переводчику трудно было предположить такой разворот событий, и перевод фамилии оказался неудачным. В данном случае контекст не помог, а дезориентировал переводчика. Уместнее, на наш взгляд, было бы дать транслитерацию, как это сделала М. Спивак, предоставив читателю самому разобраться, что собой представляет этот герой с загадочной фамилией *Лонгботтом*. Дилемма “перевод-транскрипция” часто сопровождает переводчика, сталкивающегося с “говорящими именами”.

Имя следующего героя – *Peeves* (*peeve* – 1) раздраженное состояние, 2) жалоба). М. Литвинова останавливается на транскрипции при переводе, и имя полтергейста звучит как *Пивз*. М. Спивак подбирает очень удачное слово – *Дрюзг*. С одной стороны – выдерживается авторский стиль, с другой – оно созвучно со словом “брюзга”, отражающим основную черту характера героя, вездесущего и вредного грубияна.

Еще одно имя сказочного существа, вечно всхлипывающего и причитающего привидения в женском туалете, – *Moaning Myrtle* (*moan* – стонать; поэт.- оплакивать; *myrtle* – бот.- мирт). М. Литвинова выбирает для этой героини имя *Плакса Миртл*, у М. Спивак ее зовут *Меланхольная Миртл*. Подбор слова “меланхольная” в переводе детской сказки, хотя и волшебной и смешной, снова не совсем уместно. Оно не характеризует в должной степени героиню и может вызвать непонимание у читателя–ребенка без дополнительного объяснения значения этого слова.

Упомянутая только раз фамилия *Mortlake* (основа: *mort* – смертный, смертельный; жестокий, беспощадный; разг. – скучнейший, *lake* – озеро.) переводится М. Литвиновой *Прудсмерт*, а М. Спивак – *Мертвоморрис*. Информации об этом герое нет, но скорее всего его фамилия “говорит” о его возможном проживании на территории с определенным водоемом.

Значительное количество реалий волшебного мира в данном произведении так же вызывает не меньшее затруднение при их введении в текст перевода. Реалии каждый раз ставят переводчика перед альтернативой: транскрипция или перевод? Рассмотрим некоторые примеры, в частности – названия зелий, которыми пользуются в волшебной школе. В большинстве случаев они

тоже обладают говорящими названиями. Поэтому рассмотрение реалий и способов их перевода тесно связано с антономазией и ее разновидностью – “говорящими именами”. Простывая, юные волшебники пользуются средством под названием “*Pepperup*” (очевидна аллюзия на известный напиток “7 UP”). М. Литвинова переводит это название как *Бодроперцовое зелье*. М. Спивак, учитывая аллюзию, переводит его как *Перцусин*, в котором любой русский ребенок узнает знакомое и вкусное лекарство “пертуссин”, который пьют при кашле. Другое волшебное зелье имеет название *Skele-Gro* (основа: *skeleton* – скелет; *grow* – расти), им лечат Гарри, когда он лишается костей пальцев и кисти. М. Литвинова переводит название как *Костерост*, а М. Спивак – *Скелерост*. Оба названия, на наш взгляд, удачны.

Интересны и другие примеры реалий. В книге часто упоминается игра на метлах с летающими мячами, и даже даются ее описание и правила. В оригинале она называется *Quidditch*, в варианте М. Литвиновой она звучит как *квиддич*, а в варианте М. Спивак как *квидиш*. Оба переводчика использовали транскрипцию, хотя, как можно заметить, имеется незначительное различие. Большой интерес представляют собой названия мячей в этой игре. *Bludger* (основа: *bludgeon* – дубинка) – название мяча, от которого надо уворачиваться в процессе игры, чтобы он не сбил игрока. М. Литвинова, сохраняя экзотичность названия, пользуется транскрипцией, и название мяча звучит как *Бладжер*. М. Спивак использует приблизительный перевод и, в конечном результате, получается, *Нападала*. Второй мяч, за которым охотятся игроки, называется *Snitch* (основа: *snitch* – украсть, стащить). Используя те же вышеуказанные приемы, переводчики ввели данную реалию как *Снитч* (М. Литвинова) и *Проньера* (М. Спивак). На наш взгляд, транскрипция более удачна, потому что сохраняет загадочность и экзотичность названий, а перевод неуместен, так как больше напоминает клички.

Выбор в зависимости от характера текста переводчики делают с учетом жанровых особенностей. Несомненно, что если автор дает своим героям “говорящие имена”, это должно отражаться в переводе. Перевод реалий представляет собой серьезную проблему в переводном произведении. При выборе языковых средств той или иной реалии возможно сознательное или бессознательное искажение коммуникативного намерения автора и привнесения в произведение идей, принадлежащих исключительно переводчику, т.е. формирование коммуникативного намерения переводчика, отличного от оригина-

ла. В переводе реалий наблюдаются две тенденции: 1) сохранение реалии и ее расшифровка, т. е. транслитерация, не дающая никакой информации о значении реалии и 2) приблизительный перевод или объяснение. Ряд переводческих ошибок заключается в пренебрежении имплицитной информацией, в результате чего становится невозможным верное понимание намерений автора и, следовательно, адекватное понимание/восприятие читателем художественного текста. При переводе реалий во многих произведениях для детей следовало бы максимально воздерживаться от транскрипции/ транслитерации; вводя в текст чужую реалию желательно тут же пояснять ее. Но в приключенческом романе или сказке и транскрипция, и транслитерация могут оказаться хорошим решением, так как сохраняют элемент экзотики, таинственности, присущие этим жанрам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В., К спорам о слове и образе / В.В. Виноградов // Вопросы литературы – 1960. – № 5. – С. 66-96.
2. Влахов С. Флонин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С.Флонин – М: Международные отношения, 1980. – 341 с.
3. Кротков А., Стахов Д., АнтиПоттер. Последний и решительный бой /А. Кротков, Д.Стахов // Огонек. – 2002. - № 17. – С. 58-59.
4. Мюллер В.К. Англо-русский словарь/В.К. Мюллер – М.: Рус. яз., 1989. – 848 с.
5. Реформатский А.А. Перевод или транскрипция? / А.А. Реформатский // Восточно-славянская ономастика: Сб. научн. тр.- М: Наука, 1972.
6. Ролинг Дж. К., Гарри Поттер и Тайная комната: Роман / Пер. с англ. М.Д. Литвиновой. – М.: ООО Издательство РОСМЭН-ПРЕСС, 2002 . – 473 с.
7. Active Study Dictionary of English.- Harlow: Longman Group Limited, 1988, 710 p.
8. J. K. Rowling, Harry Potter and the Chamber of Secrets., Bloomsberry Publishing Plc, 38 Soho Square, London, W1V 5 DF, 1998, 257 p.
9. Ролинг Д.К. Гарри Поттер и Тайная комната в переводе М. Спивак. – (<http://www.harrypotter.ru/>)